

мы склоняемся к предположению о том, что погибшая рукопись „Слова“ датируется не концом XVI в., как предполагал Тихонравов, а его началом, то мы только делаем уточнение датировки, предложенной и впервые аргументированной Тихонравовым.

Тихонравов, приняв ряд бесспорных конъектур к тексту „Слова“, предложенных его предшественниками, сам был очень осторожен в исправлениях темных мест памятника и предпочитал сознаваться в своем бессилии осмыслить их, чем прибегать к необоснованным и неубедительным догадкам. Позволив себе в первом своем издании „Слова“ заменить во всех четырех случаях Трояна на Бояна, он во втором издании в одном случае оставил Трояна неприкосновенным („землю Трояню“).

Для того чтобы оценить качество критической работы Тихонравова по установлению текста „Слова“ путем сопоставления обеих дошедших до нас копий памятника, достаточно сравнить сделанное им с тем, что сделано было Вельтманом во втором его издании „Слова“, вышедшем в 1866 г., одновременно с первым изданием Тихонравова. Вельтман на этот раз также воспользовался екатерининской копией, но оказал ей такое доверие, как более исправному, чем первопечатный текст, воспроизведению погибшего списка „Слова“, какого она, конечно, не заслуживала. Он, совершенно игнорируя мусин-пушкинское издание, единственно только ее принял за основу в своем издании и в дополнение к ней предложил большое количество дилетантских, безудержно фантастических конъектур.

Небольшая книжка Тихонравова, богатая для своего времени не только филологическими наблюдениями, оказавшимися плодотворными для установления критического текста „Слова“, но и сжатыми и в то же время весьма содержательными комментаторскими материалами, уясняющими самое существо памятника, в частности его отношение к народной поэзии, послужила толчком для ряда крупных исследований по „Слову“, появившихся в 70-х годах прошлого века. По степени интенсивности и оживленности работы над „Словом“, по смелости в постановке и разрешении ряда проблем, возникавших в связи с его изучением и установлением его текста, — это десятилетие оказалось наиболее ярким в историографии „Слова“, несмотря на ряд ошибок и неоправданных домыслов и часто дилетантских операций над памятником, допущенных отдельными исследователями как в отношении толкования самой его природы, так и в критике и реконструкции его текста.

Поскольку нас в данном случае интересует лишь проблема текста „Слова“, мы, не касаясь здесь, как в большинстве случаев в дальнейшем, частных разысканий, относящихся к отдельным спорным или неясным местам памятника, остановимся на тех трудах, в которых произведена критическая работа сплошь над всем текстом „Слова“. Тут необходимо отметить книги Огоновского („Слово о полку Игоревѣ“, поетичний памятник руської письменості XII віку“, Львов, 1876),